

Книга

Яреци Фернандез

В монастыре была очередная активность, и Тору приехал на несколько дней, провёл свою лекцию и уехал, забрав с собой Кимико, а Яреци решила остаться подольше. Здесь было тихо, не было связи, и никто не следил за тобой. Девушке всегда казалось, особенно после того случая с попыткой изнасилования, что за ней кто-то следит. Некоторое время назад она перестала бояться собственной тени, но об этом она никому не рассказывала, считая, что Тору не нужны её слёзы и страхи. А она боялась. Боялась, что Дженинг выжил и сейчас хочет убить её. Это было нереалистично, так как, как ей сказал дядя после того, как она побывала в полиции и дала показания, тело Дженинга буквально изрешетили. Выжить при таком невозможно. Но она боялась. И не с кем было обсудить. Поэтому она либо не видеась с Тору, либо старалась общаться с ним на бытовые моменты вроде тех, какой суп сварить, как у него дела на работе и нужна ли ему помощь. И всё, даже о своих выставках она не разговаривала, считая, что Тору это неинтересно, так как он так и не появился ни на одной выставке.

Сейчас, после отъезда Тору с Кимико из монастыря, она перебралась в комнату брата, который часто бродил гиеной и ночевал в домике в горах. В их с Тору доме сейчас жили Сэтоши с Маргаритой, и с ними девушка не горела желанием встречаться и общаться. Поэтому она все дни проводила в комнате и читала книгу. Эту книгу она совершенно случайно увидела в магазине, она была про героя, про которого она читала в детстве. И сейчас перечитав первое произведение, она стала читать про последнее путешествие Аллана Квотермейна и его друзей в далёкую и таинственную страну, которой нет ни на одной карте мира.

В этот день была противная и ветреная погода, и девушка, устав сидеть в комнате, потому что туда вернулся хозяин, ушла в храм. Села на полу около стены в комнате для каллиграфии и продолжила читать книгу. Прочитав последние строчки, она грустно вздохнула и подошла к ящику для каллиграфии. Накрыла его крышкой, взяла несколько листов рисовой бумаги и стала вырисовывать линию хэн. Просто чтобы очистить сознание. Чем ещё заниматься в помещении для занятий каллиграфией?

Джун Мотидзуки

Обычно Джун находился в приподнятом настроении и старался во всем видеть положительные моменты, но, неожиданно пав жертвой обычной простуды, обнаружил у себя так редко проявляющуюся склонность к неконтролируемому ворчанию, выгнавшему его за порог собственного дома, чтобы не раздражать Доминику, пусть та и реагировала на его бурчание вполне благосклонно.

Конечно, проблему легко можно было решить обратившись в лазарет, но Джун не горел желанием соваться туда с подобной ерундой, а потому решил провести на себе небольшой эксперимент, для чего, собрав все свои принадлежности для офуда, направился в сторону храма. В библиотеке, куда он пошел в первую очередь, оказалось на удивлениелюдно. И, списав подобную тягу к знаниям на

желание спрятаться от плохой погоды, Джун решил поискать более уединенное место, подходящее его не самому лучшему состоянию, в качестве которого выбрал помещение для занятий каллиграфией.

Как оказалось, оно уже было занято одной его хорошей знакомой, которую он решил поприветствовать кивком, усаживаясь рядом с одним из ящиков для каллиграфии и накрывая его крышкой. С Яреци после их чуть не случившегося с дядей развода Джун еще не разговаривал. Да и не горел особым желанием, начиная считать, что единственная здравомыслящая девушка в его окружении - это Доминика. В чем его только укрепила история с расставанием Дарсии и Стефано по причинам, о которых он догадывался, вспоминая сомнительное поведение подруги на его свадьбе. Так что вместо привычной болтовни Джун просто вытащил все необходимые принадлежности, взял заготовку для офуда и начал выписывать иероглифы 那末药师琉璃光佛, чтобы по окончании работы проверить, можно ли исцелить подобным заклинанием самого себя.

Яреци Фернандез

Линия Хэн не рисовалась, и девушка тяжело и глубоко вздохнула, скомкав третий лист бумаги. Решив больше не переводить бумагу и чернила, она стала кисточкой рисовать портрет одного героя романа, хотя потом поняла, что портреты у нее не получаются, да и не стоит рисовать мужчин. Вдруг Тору увидит рисунок и подумает что-то нехорошее? А ведь ей казалось, что он вполне себе может подумать. Раз уж он не поверил ей, когда ей нужна была помощь.

В груди защемило. Почему когда ему нужна была помощь, она оказывала ему, помогала? Почему когда он напился, она приехала, дотащила его до своей маленькой квартирki и напоила чаем, а он, когда ей требовалась просто поддержка и забота, сказал, что уходит? Почему человек, которого она любит всем сердцем, просто спокойно от нее отказался, сказав, что больше не хочет ее видеть и хочет с ней развестись. Ей было непонятно, почему ее все из-за этого проступка считали виноватой. Ведь она, хоть и попала туда по своей воле, оказалась в настоящем плену. Ее били, очень сильно били, только за одну мысль о Тору и Кимико. Ей было страшно, но Тору не стал ее слушать. Для него она уже умерла.

Может не стоит воскресать свое прошлое? Может стоит воспользоваться подаренной свободой и сертификатом?

Она скомкала еще один лист и захотела испортить еще один, как слышались шаги. Кивнув Джуну, она осталась сидеть на своем месте, хотя в первую секунду хотела уйти. Не хотелось никого видеть. Но и здесь были люди. Здесь тоже ее будут осуждать и говорить, что она неправа. Она не хочет ни с кем разговаривать. Но на улице не очень хорошая погода, и она, глубоко вздохнув, осталась на своем месте. Сняла с ящика с песком крышку, разравнила песок и стала там рисовать портрет главного героя. Так правильно. Никто не увидит и не осудит, что она думает о каких-то других мужчинах.

Джун Мотидзуки

Обычно Джун легко и быстро справлялся со своей работой, но тут рука словно отказывалась его слушаться, выводя вместо красивых и правильных иероглифов

каких-то кривых уродцев, которых Джун безжалостно забраковал, взявшись за новую заготовку. Со второй попытки дело пошло намного лучше, и он уже собирался праздновать победу, как в тот момент, когда он выводил последний иероглиф, раздался печальный вздох, заставивший руку дрогнуть и, в итоге, испортить всю работу.

- Может уже перестанешь изображать из себя самого несчастного человека на свете? - не удержался и резко спросил Джун. Обычно он не позволял себе разговаривать с девушками в подобном тоне, но сейчас дурное настроение и самочувствие давали о себе знать. Плюс к этому в голове всплыла история расставания, рассказанная дядей, когда Джун с Ичиро приезжали в Пекин. Точнее как рассказывал, сначала он долго пытался дядю разговорить, вытягивая информацию всеми возможными хитростями. А потом то, что ему все-таки удалось вытащить, достроил сам, неплохо зная участников семейных разборок и представляя, на что те были способны. И вся эта сложившаяся из многочисленных разрозненных кусков картина породила в его голове один простой вопрос, на который он сам не мог найти ответа: "Почему люди так любят страдать и усложнять себе жизнь, одновременно с этим причиняя боль и своим близким?"

Яреци Фернандез

Резкий и грубый голос Джуна заставил ее вздрогнуть и инстинктивно сжаться в комок. Почему-то сейчас ей показалось, что Джун был похож на своего отца, и в голосе преобладали нотки пренебрежения. Она мотнула головой и посмотрела на ящик с песком, где почти был дорисован портрет героя ее любимой истории. Яреци хотела его дорисовать, но вместо этого разровняла песок и накрыла ящик крышкой.

Слова Джуна ей не понравились, и она почувствовала боль в груди. Неприятную и тяжелую, но отчего-то уже привычную. Эта боль часто ее сопровождала, и она даже не обращала на нее внимания. Только раньше эта боль была слишком частой, а сейчас вроде немного успокоилась. До тех пор, пока не послышался голос Джуна.

- Если я вам мешаю, Мотидзуки-сан, то могли бы сказать более вежливо, - фыркнула она. - Мне не трудно, я могу удалиться в библиотеку, - добавила она и встала на ноги. Подняла с пола скомканные листы бумаги, поставила набор для каллиграфии на место и, поклонившись Джуну, вышла из комнаты для занятий каллиграфией.

Она остановилась в большом зале около статуи Будды и посмотрела на него. А потом села на пол и прикрыла глаза, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце, понимая, что последнее время со здоровьем происходят какие-то проблемы. Но до ее здоровья не должно быть никому никакого дела. Хотя наверное для этого она сама должна перестать совать нос в чужие дела. Она сможет, раз любовь и забота никому не нужны. Она обрастет броней и никогда больше не спросит ни у кого о самочувствии. Без нее сами разберутся. Устроившись поудобнее, она развернула листы бумаги и стала смотреть на нарисованный портрет героя ее любимого романа.

Джун Мотидзуки

Поведение Яреци больше напоминало поведение обиженного на всех подростка, который сам толком не понимает, чего именно хочет, но точно знает, что все вокруг

как-то пытаются его ущемить. Но раз дядю устраивали подобные "ролевые игры", Джун предпочитал в это дело не лезть, в последнее время исчерпав в себе запас любви ко всем окружающим. Вот и сейчас он бы никак не стал реагировать на уход Яреци, если бы не обнаружил, что та, собрав листы, оставила книгу, сразу начавшую мозолить ему глаза.

- Ну ладно, - после недолгих колебаний пробормотал Джун, поднимаясь со своего места, подбирая книгу и отправляясь за девушкой следом. Правда в названной ей в качестве нового пристанища библиотеке Яреци не оказалось, так что молодому человеку пришлось потратить немного больше времени, чтобы обнаружить недовольную его сегодняшним поведением девушку. И, к счастью, та еще не успела покинуть храм, разместившись рядом со статуей Будды.

- Ты забыла, - Джун протянул девушке книгу, одновременно с этим окидывая ее внимательным взглядом. Ее лицо, как это нередко бывало, воплощало собой ожившую печаль, провоцируя задать вопрос, который уже давно крутился на его языке.

- Яреци, тебе нравится страдать? - голос Джуна, несмотря на содержание слов, звучал достаточно спокойно. - Ты же в курсе, что не обязательно жить, как героиня романа, на долю которой постоянно выпадают великие страдания, нередко раздутые на пустом месте?

Джун не был знаком с Яреци до начала их отношений с дядей, поэтому не мог сказать, с чем именно связан столь пессимистичный взгляд на окружающую действительность. Но на его вкус, если отношения заставляли тебя страдать, то самым простым вариантом было их прервать и не мучить друг друга, если уж пара не могла или не хотела искать способ договориться.

Яреци Фернандез

И тут ей не дали спокойно посидеть и помечтать, рисуя в голове образ героя, который отправился в путешествие, не надеясь вернуться, а в итоге стал королем закрытой страны. В его золотого цвета волосах и бороде уже начали проявляться седые волоски, но у него была прекрасная жена. Милый и сильный Инкубу нашел свое место в этом мире, стал счастливым и любимым. Он влюбился в королеву как мальчишка. Добрая и милая история любви. Жаль, что всего лишь сказка.

Ее отвлекли сначала шаги, а потом голос Джуна, и она вздрогнула и посмотрела на книгу, которую он ей протянул. Взяла ее и обняла.

- Забавно, - хриплым и приглушенным голосом сказала она, - при встрече с вашим дядей я тоже забыла книгу, и он мне ее вернул.

Это было так давно, что можно забыть. Но она помнит. Помнит почти все их встречи, особенно самую первую. Она тогда влюбилась в него, потом эта детская влюбленность переросла во что-то большее. Она не знала, что это было, но понимала, что если бы она просто в него влюбилась, то не сорвалась бы из Москвы на его поиски, когда ей сначала приснился страшный сон, а потом появилось какое-то видение на паре по истории, что где-то в горах он сломал ногу и не может

шевелиться. А может это была ее глупость, сентиментальная глупость, ведь если бы он действительно пострадал в горах у монастыря, то ему бы оказали помощь.

На следующие слова Джун, показавшиеся какими-то резкими и грубыми, она решила ничего не отвечать, поэтому просто положила книгу на колени, а на нее листья бумаги и продолжила рассматривать рисунок.

- Я учту, спасибо, - только лишь ответила она, надеясь, что ей никто не будет мешать. Сейчас ей хотелось помечтать об этом герое, пусть это могло показаться глупым и неправильным.

Джун Мотидзуки

Непонятно, на что он рассчитывал, задавая Яреци провокационные вопросы. Естественно, девушка их проигнорировала, предпочитая оставаться в своей реальности, которая, как казалась Джуну, заметно отличалась от реальности окружающих ее людей. И пусть обычно он признавал за другими право портить себе жизнь любыми приятными им способами, сейчас поведение Яреци стало откровенно его раздражать, пусть Джун и старался сдерживаться, чтобы его голос продолжал звучать ровно.

- Я ведь не просто так спросил. - Раз уж он поднял эту тему, то ему хотелось получить в ответ что-то хоть сколько-нибудь содержательное. - Мне действительно хочется понять, зачем жить так, как не нравится никому. И никаким другим образом кроме как нездоровой любовью к страданиям я это объяснить не могу. Хотя, естественно, я не претендую на истинность своих умозаключений.

Джун замолчал, ожидая хоть какой-то ответной реакции. Хотя зная Яреци он бы не удивился, попытайся она убежать от неприятного разговора снова. Только вот, как он успел заметить, от попытки замолчать проблему лучше никому не становилось, как и от сиюминутных с людьми, не желающими делать выводы из своих и чужих ошибок. Последнее оказывалось даже вредным, поскольку создавало иллюзию поддержки действий, которые не приносили никому ничего хорошего.

Яреци Фернандез

Джун не уходил, и это ее начало раздражать. Она не хотела ни с кем разговаривать и мела полное право молчать, но не была уверена, что у нее, как пока еще у Мотидзуки есть такое право. Может быть, она не имела ни на что права? И все, что она должна была делать - это готовить еду, следить за состоянием дома, заниматься с ребенком и ублажать мужа? А все остальное она делать не имела права? Так что ли?

Если не так, то почему сейчас Джун пристает к ней, хотя она ничего ему не сказала и даже ушла, чтобы не мешать ему заниматься каллиграфией, или чем он там занимался. Она сидит у стены, никому не мешает, но Джун почему-то хочет чего-то от нее услышать. Но ведь она имеет права ничего не говорить.

Она покачала головой и пожала плечами. Потом сложила рисунок вчетверо и положила его в книгу.

- Я не знаю, что вы хотите от меня услышать, Мотидзуки-сан. Любое мое предложение вызовет негативную реакцию, так что я, пожалуй, промолчу. И, если позволите, останусь здесь. Вы, кажется, там что-то делали, и я не смею вас больше отвлекать, - сказала она лишенным эмоций голосом.

Джун Мотидзуки

Обращение "Мотидзуки-сан", такое привычное и нормальное во время жизни в Японии, сейчас неприятно резало слух. Как и желание Яреци избавиться от его персоны, задающей неудобные вопросы. Зато это помогло окончательно достроить имеющуюся у него в голове картину патологических семейных отношений и мысленно пожелать малышке Кимико крепости психики.

- Оба-сан, - раз Яреци предпочла с ним общаться в формальном ключе, то Джун посчитал, что вполне может ответить ей взаимностью. - Я, конечно, уйду. И, самое приятное, на моей жизни это никак не скажется. А вот вы с дядей, если будете продолжать уходить от разговоров и додумывать то, чего нет на самом деле, так и останетесь со своими проблемами. Ты будешь придумывать себе тяжелую жизнь, где тебя все ущемляют и не ценят. Время от времени тебя будет срывать на необдуманные поступки, после которых все начнут страдать еще больше, а потом, давая слабину, вместо того, чтобы со всем разобраться, возвращаться к тому, с чего все и начиналось. И, собственно, устраивать подобный цирк для мазохистов - это было бы ваше с дядей право, если бы не один момент. От вашей неспособности договориться больше всего страдает Кимико, пусть вы этого и не понимаете.

Все что Джун сейчас говорил приходило, скорее, на интуитивном уровне. Не сказать, чтобы ему доводилось много общаться с маленькими детьми или наблюдать за чужими семейными проблемами, но он привык быть внимательным в том, что касалось других людей и научился делать выводы, а потому полагал, что большая часть высказанных предположений попала в цель, пусть здесь могло и не обойтись без преувеличений.

Яреци Фернандез

- Лучше бы он мне изменил. Или лучше бы меня тогда изнасиловали, - с раздражением сказала девушка. - Я хотела с ним поговорить, я пыталась ему объяснить о том, что произошло, но он просто выгнал меня. Я конечно не имела права оступаться, я должна была как все нормальные японки сидеть дома и варить обеды. Конечно, зачем мне желать поехать в Японию, если мой муж не горит желанием общаться со своей семьей. Зачем мне думать о родственниках, которые не являются мне родственниками? Мой отец получил инфаркт, а мне об этом никто не сказал. А почему? Потому что Тору не хочет в свою Японию ехать. Когда мама умирала... больше всего на свете я хотела показать ей дочь и познакомить ее с мужем. Но он не захотел туда ехать. То, что он не приехал на похороны твоего деда не означает, что я не имею права проводить свою маму в последний путь!

Она старалась говорить тихим голосом, так как в храме кричать нельзя, это все-таки божий дом, пусть и буддисты не верят в бога, но периодически голос срывался. В горле стоял противный комок слез, и она сильно сжала руку в кулак, чтобы не дать слезам вырваться наружу. Несколько раз вдохнув-выдохнув, она сглотнула и посмотрела на молодого человека.

- Спасибо, что выслушали меня, Мотидзуки-сан. И я уверена, что вы укрепились в мыслях, что я простая шлюха из Европы, которая охмурила бедного Тору. - Зло бросила она. - Я нашла свой путь и хочу пройти его до конца. Даже если для этого мне придется бросить их.

Она снова опустила голову и посмотрела на обложку книги. И слабо улыбнулась своим мыслям.

Джун Мотидзуки

Джун всегда считал себя достаточно терпеливым человеком, умеющим находить общий язык практически с любым собеседником, но в общении с Яреци явно имел место сбой программы. Единственным желанием, после того, как на него вылился поток всевозможных обид, было пробить себе лоб ладонью, так что приходилось признать полное превосходство дяди в том, что касалась терпения. Но раз уж он сам и начал этот разговор, то не имел права отступать, пока не разберется хотя бы с частью озвученных пунктов.

- Так, давай не мешать все в одну кучу, - со вздохом начал Джун, предчувствуя самую тяжелую часть разговора. - Во-первых, в измене и изнасиловании ничего хорошего нет, и это великое счастье, что все обошлось. Во-вторых, не совсем понял, откуда тебя выгоняли. Начнем с того, что изначально ты ушла сама, оставив не только мужа, но и ребенка, который ни в чем не виноват. Лично я, с учетом того, что этот раз был уже не первый, на этом закончил бы любые отношения и не стал бы свою женщину даже искать. Взрослые могут выяснять свои отношения сколько угодно, но плевать на своего ребенка - это последнее дело. Хотя, конечно, сейчас это не оправдывает дядю, раз уж вы снова сошлись. Все эти вопросы стоило обсудить в первую очередь.

Джун замолчал, чтобы собраться с мыслями, поскольку недовольств у Яреци была целая куча, и часть из них он уже начал забывать.

- По поводу нормальных японок и обедов. Тебе когда-нибудь говорили, что ты должна быть домохозяйкой? Запрещали учиться? Брать дочь в Испанию? Не пускали в Японию? Seriously, из-за стремления быть "нормальной" японкой и страдать от этого дядя расстался со своей первой женой. Сомневаюсь, что годы полностью изменили его отношение к этому вопросу. А если ты сама придумала какие-то правила и запреты, то не очень красиво обижаться на других. Что же до инфаркта твоего отца, подумай, почему от тебя это скрыли. Представь свою реакцию и прикинь, смогла бы ты ему реально помочь поправиться быстрее или только сильнее его расстроила своими слезами и переживаниями.

Какие-то моменты Джун опускал, так как начини он разбирать каждый пункт подробно, ему бы пришлось говорить часами. Но последняя тирада девушки явно заслуживала отдельного внимания, которое он ей и уделил.

- По поводу шлюхи я вообще ничего не понял. Не слышал, чтобы тебя так кто-то называл. Буду считать, что это было сказано для большего драматизма. Но у про твой путь... Если он не включает в себя семью, то стоит честно признать, что она

для тебя обуза, никого не обвинять, а просто принять свой выбор.

Выговорившись, Джун почувствовал навалившуюся усталость и в очередной раз порадовался, что его собственная жена обычно придает ему сил, а не высасывает последние изощренными и не имеющими никакого отношения к приятному времяпрепровождению способами.

Яреци Фернандез

- Хорошо, я сама ушла. Без причин. Просто так, оставила бедного Тору, а он, такой несчастный, стал меня искать. О, да зачем? Я же никого не люблю, мне никто не нужен!

Она старалась сдерживаться, чтобы не закричать. Сейчас преобладали раздражение, ненависть и злость. Грусти не было, и почему-то слезы перестали образовываться в горле. Девушка вздрогнула и закрыла глаза. Почему-то она представила, как загорается Манипура, пока еще тускло, но она была уверена, что это всего лишь в ее голове. Хотя в районе солнечного сплетения стало больно, но боль очень быстро прошла. Она судорожно вздохнула и сглотнула. А потом открыла глаза и посмотрела на Джуну.

- Я смотрю, вас не учили не приставать к людям, которые не горят желанием с вами общаться? Я вам ничего не сделала, а вздох, который вам так не понравился, означал всего лишь то, что у меня не получилось нарисовать портрет моего любимого героя. Ах, да, извините, что не спросила вас, можно ли мне вообще находиться и дышать здесь. Вы, кажется, там чем-то занимались, Мотидзуки-сан. Не смею вас больше задерживать!

И она снова уставилась в книгу и сглотнула. Ей не нравились мысли про то, что она может открыть в себе стихию. Пусть это будут только мысли, а солнечное сплетение заболело только от нервов. Она глубоко вздохнула.

Джун Мотидзуки

Самым неприятным для Джуну всегда являлась ситуация, когда он вкладывал в дело какие-то ресурсы, а, в итоге, не видел никакого результата. И сейчас происходило как раз что-то подобное. Яреци пропустила мимо ушей практически все его слова, остановившись на том, что ее опять незаслуженно очерняют, видимо, желая, выгородить своего родственника. Чем Джун даже и не думал заниматься. Если бы он сейчас разговаривал с дядей, то тоже обратил бы внимание на сделанные уже им ошибки, но в данный момент он говорил не с ним. А, точнее, не говорил, а сотрясал воздух, поскольку нормальным разговором это было назвать нельзя. Если бы Яреци начала с ним ругаться или попробовала, возможно даже успешно, доказать свою правоту, от этого и то толку вышло бы намного больше, чем от попыток избавиться от его назойливого присутствия.

- Да нет, - с легкой горечью в голосе проговорил Джун, чувствуя всю бесполезность своих усилий заставить девушку хотя бы подумать о том, что выходило за рамки ее картины мира. - Прерогатива быть бедной и несчастной принадлежит тебе. Прости за вмешательство в твою личную жизнь. Меня это действительно не касается.

И пусть Джун нашел бы еще немало слов, продолжающих начатую тему, остаток ресурсов он решил сберечь на борьбу со своей простудой. В конце концов, взрослые люди имели право ломать себе жизнь любым приятным или не очень им способом. А потому он предпочел отвесить Яреци преувеличенно вежливый поклон и направиться в сторону комнаты для занятий каллиграфией, где его ждала недоделанная работа.

Яреци Фернандез

- Вообще-то я не несчастна. Не знаю, с чего вы это взяли, сеньор Мотидзуки, - зло прошипела ему вслед девушка, снова ощутив что-то неприятное в районе солнечного сплетения. От этого стало страшно, и она с легкостью встала с пола. Ничего нигде не взорвалось, и огня больше не стало. Значит, это всего лишь ее воображение, которое можно назвать больным? Что ж, это к лучшему. Что нет в ней никакой больше стихии.

- Кстати, это Тору ни разу не посетил выставки и ни разу не поддержал меня. Он не позвонил и не поинтересовался, как это прошло. Он за моей спиной разговаривает с моим папой, а мне об этом никто ничего не говорит... Ах да, это ж я неправа. Нормальные люди не должны переживать друг за друга, поддерживать. Ах, я такая плохая, ушла от бедного Тору. Да потому что...

Она замолчала, вдруг поняв, что говорит в пустоту, а голос ее дрожит от негодования. Она сглотнула и, вздохнув, покинула храм.

В комнате был Маркус, и она забрала свои вещи и направилась в сторону деревни. Остаться в этом месте ей больше не хотелось. Ей нужно было спокойствие. В Лхасе она купила билет в Токио и отправилась на регистрацию...
